

XVIII v. [Social and State Development of the Oirats in the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya Literatura Publ., 1990. 138 p. (In Russian).

12. Dordzhieva E.V. *Iskhod kalmykov v Kitay v 1771 g.* [Exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-on-Don, Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly Publ., 2002. 212 p. (In Russian).

13. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]: in 3 vols. Vol. 1. Elista, Gerel Publ., 2009. 848 p. (In Russian).

14. Kolesnik V.I. *Posledneye velikoye kochev'ye* [The Last Great Nomad Camp]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2003. 286 p. (In Russian).

15. Osorin U. *Mify, legendy i predaniya sin'tsziyanskikh oyratov i kalmykov: sravnitel'nosopostavitel'nyy analiz* [The Myths, Legends and Traditions of the Xinjiang Oirats and the Kalmyks: Comparative Analysis]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS Publ., 2015. (In Kalmyk).

16. Pal'mov N.N. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov* [Studies in the History of the Volga Kalmyks]. Part 2: Astrakhan', Kalmytskiy oblastnoy ispolnitel'ny komitet Publ., 1927. 231 p. (In Russian).

17. Potanin G.N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwestern Mongolia]. Issue 2. St. Petersburg, Kirshbaum's Typography Publ., 1881. 181 p. (In Russian).

18. Sanchirov V.P. *"Iethel shastir" kak istochnik po istorii oyratov* ["Iethel Shastir" as a Source on the History of the Oirats]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya Literatura Publ., 1990. 138 p. (In Russian).

19. Tul'gaa T. *Vangiin torquudyn tymniy tyukhen durdatgal* [Memories of Vangiin Torguts]. Ulaanbaatar, 2005. 232 p. (In Mongolian).

Бакаева Эльза Петровна, Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

Зам. директора по научной работе, ведущий научный сотрудник. Научные интересы: этнология, фольклористика, буддизм, добуддийские верования, история монгольских народов, традиционная культура, источники.

E-mail: ebakaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5188-1202

Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Deputy Director, Leading Research Associate. Research interests: ethnology, folklore studies, Buddhism, pre-Buddhist beliefs, history of the Mongolian peoples, traditional culture, sources.

E-mail: ebakaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5188-1202

DOI 10.54770/20729316-2022-4-385

В.В. Куканова (Элиста)

ГРАДУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ТЕМПЕРАТУРЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. ЧАСТЬ 1*

Аннотация. Статья посвящена исследованию градуальных концептов температуры и их репрезентации в калмыцком фольклоре. В данном номере журнала представлена ее первая часть, где рассматриваются бинарная система обозначений температуры, а также маркирование специфических ситуаций при помощи нейтральных температурных прилагательных. Материалом исследования выступили разножанровые фольклорные тексты, как опубликованные, так и не изданные на калмыцком и в переводе на русский язык. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. В фольклоре калмыцкого народа доминирует бинарная система понятий температуры, где на шкале выделяются противоположные точки, при этом в архаичной картине мира нейтральные характеристики не фиксируются, что связано со стремлением человека дать номинацию аномальным с точки зрения человека явлениям, а если и используются номинации, обозначающие нейтральные температуры, то они выполняют функцию на уровне текста, например, комплексно реализуя мотивы пограничности мира мертвых и мира живых. В статье, подготовленной для следующего номера журнала, будут рассмотрены метафоры с температурными прилагательными, которые помогают выстроить фрагмент языковой картины мира калмыцкого народа, а также специфику восприятия температуры, отраженную в фольклорных текстах.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор; температура; концепт; мифология; междисциплинарный подход.

V.V. Kukanova (Elista)

Gradual Concepts of Temperature and Their Representation in Kalmyk Folklore. Part 1**

Abstract. The article examines gradual concepts of temperature and their representation in Kalmyk folklore. The publication constitutes part one of the study to deal with

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

** The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist, project no. 075-15-2019-1879 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'.

a binary system of temperature denotations and markings of specific situations with the aid of neutral temperature adjectives. The paper analyzes a variety of multi-genre original Kalmyk and translated Russian texts, both published and unpublished ones, to conclude as follows: Kalmyk folklore is dominated by a binary system of temperature-related concepts with opposite points marked on the scale, the archaic view of the world being distinguished by that it contains no identified neutral characteristics which results from man tends to name somewhat abnormal phenomena – and even if there any lexemes to denote neutral temperatures, the latter serve some certain function within the text, e.g., to comprehensively implement motifs of frontier between the world of the living and that of the dead. Part two of the study to be published in subsequent issues of the journal shall deal with metaphors containing temperature adjectives that prove instrumental in reconstructing a fragment of the Kalmyk linguistic view of the world, as well as in identifying specifics of temperature perceptions to be traced in folklore texts.

Key words: Kalmyk folklore; temperature; concept; mythology; beliefs; interdisciplinary approach.

1. Введение

В результате процесса восприятия определенные мыслительные конструкции закрепляются в мышлении, которые, как правило, реализуются в процессе речевой деятельности. В этом плане весьма интересным объектом для изучения являются градуальные концепты температуры, которая, с одной стороны, объективна, ведь ее можно измерить специальными приборами, но, с другой стороны, сама семантика температуры не имеет четкой структуры и зависит во многом от особенностей каждого отдельного человека, что в свою очередь ведет к доминированию субъективности при обозначении подобных явлений [Кононова 2016, 99]. Именно эта специфичность значений температурных прилагательных обусловила обращение к исследованию восприятия и семантики в фольклорных произведениях. Концепты, конструируемые на материале фольклорных произведений, позволяют выстроить архаичную картину мира человека, которая интересна сама по себе, поскольку они открывают возможность понять, как мыслил древний человек, каким образом объяснял устройство мира. Архаичную картину мира предков того или иного народа можно восстанавливать из разных источников, но прежде всего – из вербальных текстов, поскольку они являются наиболее информативным материалом. Наиболее представительным источником в реконструкции картины мира являются произведения устного народного творчества.

Целью настоящей работы является рассмотрение градуальных концептов температуры и их репрезентации в фольклоре калмыцкого народа. Анализ температурных концептов в калмыцком фольклоре, как и на другом материале, усложняется тем, что, во-первых, эти концепты, разумеется, не имеют предметного выражения, являясь качеством, свойством предмета, т.е. их нельзя увидеть, а можно лишь почувствовать (ощутить); во-вторых, они обладают высоким образным потенциалом; в-третьих, они

во многом по восприятию субъективны, несмотря на свою объективность, как мы уже говорили выше; в-четвертых, они отличаются невысокой частотой употребления именно в фольклорных произведениях. Так, например, в калмыцких сказках в записи Г.Й. Рамстедта и в эпических песнях «Джангар» прилагательные имеют следующую частотность: 1) *халун* ‘горячий, жаркий’: 4 – 27; 2) *дулан* ‘теплый’: 1 – 0; 3) *серун* ‘прохладный’: 2 – 5; 4) *киитн* ‘холодный’: 8 – 81 соответственно, не говоря о всем объеме проанализированных текстов в данном исследовании.

2. Материалы

В качестве материала исследования выступили фольклорные эпические и сказочные произведения, а также легенды и предания калмыцкого народа, которые частично опубликованы (см., например: [Калмыцкий героический эпос 2020; Калмыцкие богатырские сказки 2017; Калмыцкие волшебные сказки 2020; Мифы, легенды и предания калмыков 2017]). Другая часть материала для данной работы до сих пор не издана в силу отсутствия финансовых средств у учреждения. Тем не менее рукописи подготовлены к публикации и могут быть использованы в качестве материала для исследования данной темы [Научный архив КалмНЦ РАН].

Из фольклорных произведений были извлечены все фрагменты, которые содержат градуальные концепты температуры (*халун* ‘горячий, жаркий’, *дулан* ‘теплый’, *серун* ‘прохладный’, *киитн* ‘холодный’). Исследование проведено с применением лингвистических и фольклорных методов: семантический, когнитивный, сопоставительный анализ, с использованием этимологического и структурного анализа. Кроме того, в большинстве случаев мы прибегаем к реконструкции, поскольку понимаем, что в современное время фольклорная традиция, архаичное мировоззрение и миропонимание существуют в виде отдельных фрагментов, порой не совсем связанных друг с другом даже в одном тексте, и, чтобы собрать (реконструировать) эту «картину», сначала необходимо найти эти осколк-фрагменты. Одним из продуктивных способов реконструкции архаичной картины мира является работа с одним лексико-семантическим полем, поскольку может «стать основой для построения гипотетической модели мира» [Разаускас 2004, 2].

Методом сплошной выборки из фольклорных произведений были изъятые фрагменты, в которых упоминаются лексемы, обозначающие температуру, затем они были определены в отдельные группы для удобства структурного анализа. В работе применялся корпусный подход, что позволяет говорить о полноте полученных результатов исследования на материале текстов калмыцкого фольклора.

3. Результаты

Ранее автором данной статьи рассматривались такие метеорологиче-

ские концепты, как ветер [Куканова 2021a], дождь [Куканова 2021b], облако (туча) [Куканова 2022]. В отличие от атмосферных явлений и осадков такие общие метеорологические понятия, как температура, сопровождают человека каждый день. И, видимо, по этой причине температура не получается, как правило, какого-либо «логического» объяснения. Понятие температуры очень тесно связано с понятиями времен года, которые шире по объему семантических вхождений, но в то же время включают как один из семантических компонентов значение температуры.

В фольклоре калмыцкого народа не находит отражения персонификация холода и жары, как это происходит в культуре других народов, которые проживали в резко континентальном климате. Однако имеются отдельные объяснения этим атмосферным понятиям. Скорее всего, отсутствие самостоятельных мифов о зиме и лете, о божествах, олицетворяющих холод, жару, связано с тем, что предки калмыков не только сменили природную зону с тайги на степь (гипотетически в древности в силу постоянного соприкосновения с холодом однозначно должны были иметься представления о нем), но и мигрировали на значительное расстояние от родины предков (из Центральной Азии в Нижнее Поволжье). Эти факторы стали причиной утраты определенных элементов материальной и духовной культуры. Ойраты в «дочингисову эпоху» относились к «лесным» народам, которые «прежде, чем стать скотоводами, долгое время были охотниками-звероловами, но в то же время “не гнушались и рыболовством”» [Санчилов 2003, 204].

3.1. Этимология градуальных прилагательных

Прилагательное *халун* ‘жаркий, горячий’ генетически восходит к слову **kala-* ‘нагреваться’ [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, 796], а *киитн* ‘холодный’ имеет в других языках алтайской группы значение «замерзнуть» [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, 803]. Что касается нейтральных прилагательных, то слово *дулан* ‘теплый’, видимо, связано с глаголом **dijul-* ‘пригреть (о солнце)’ [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, 480], лексема *серун* ‘прохладный’ также восходит к **sari-* ‘становиться холодным, замерзнуть’ [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, 1219]. Все эти этимологии показывают, что в основе чувственного восприятия температуры лежат два разнонаправленных процесса: нагреваться – замерзнуть, что в очередной раз свидетельствует о том, что температурные прилагательные по своему характеру антропоцентричны. Вероятно, древний человек осознавал, что тепло зависит от солнца, т.е. оно убывает или повышается в зависимости от его движения по небосводу, и именно эта зависимость сохраняется в этимологии температурных прилагательных, отражая в своей семантике по сути результат действий: становиться горячим / теплым – становиться прохладным / холодным.

3.2. Бинарная vs градуальная оппозиция

Весьма интересно проявляется градуальная система температуры в фольклорных произведениях, где она переходит в бинарную оппозицию, легко разрывая «непрерывность» окружающего мира [Мелетинский 2000, 231], хотя, как известно, температура относится к «параметрическому точно квантифицируемому признаку объектов» [Кабанова 2011, 9]. Градуальность является базовой понятийной категорией и характерна для многих языковых систем, и здесь калмыцкий язык не является исключением. На материале калмыцких фольклорных текстов можно проследить, происходит ли градация признака и какой она была в архаичной картине мира. Здесь четко прослеживается бинарная оппозиция, хотя в фольклорных текстах имеется единичное употребление прилагательных, обозначающих нейтральную температуру или ту, которая незначительно отличается от нормы. Вышеприведенные характеристики по частотности температурных прилагательных четко демонстрируют этот тезис, где в основном употребляются слова, которые связаны с маркированием признака по максимальной высокой и низкой градации. Оппозиция *халун* – *киитн* входит в ядро архетипических бинарных оппозиций, являющихся основополагающими элементами картины мира и выражающих логические противопоставления как результат социального опыта [Соловьева 2014, 64]. Как пишет Е.М. Мелетинский, «бинарные оппозиции прежде всего упорядочивают и концептуализуют данные элементарно-чувственного восприятия» [Мелетинский 2000, 85]. Именно когнитивное противопоставление, образующее простейшие семантические оппозиции на основе чувственного восприятия (а также пространственного), дополняется противопоставлениями на уровне пространственно-временного континуума, социальных отношений, фундаментальных антиномий [Мелетинский 2000, 230], тем самым создавая мифологическую картину мира.

На архетипические бинарные оппозиции жаркий – холодный, исследуемые на материале фольклора калмыцкого народа, наслаиваются оппозиции юг – север, Верхний мир – Нижний мир. Так, традиционно холод связан с севером, устанавливая известную ассоциативную эквивалентность. Г.Ц. Пюрбеев считает, что Нижний мир в калмыцкой традиционной культуре локализовался на севере или на северо-востоке [Пюрбеев 2015, 99]. Следовательно, Нижний мир связан с холодом, что отражается в эпических и сказочных текстах:

Отправив ее домой, к морю помчался он. Когда он примчался к морю, увидел, что на берегу моря много скота пасется. Добравшись до скота, ударом [одним] убил быка, какого среди коров не найти, на шею ему цепь надев, бросил в воду и сел. Бросив его в воду, долго сидел. Пока он сидел так, черная щука приплыла и стала есть быка. Вместе с быком вытянул он ее [на берег]. Когда вспорол щуке брюхо, показалась черная воловья шкура. Распорол он черную воловью шкуру, а там – божественного рыжего коня имеющий Боди Шара Лама сидит, скрестив

ноги.

– Немного зловонно там, немного холодно там, а в общем не так уж и плохо там, – так говоря, стал подниматься божественного рыжего коня имеющий Боди Шара Лама. [Калмыцкие богатырские сказки 2018, 442–443].

Герой сказки, описывая нахождение в животе у щуки, хтонического «животного»-поглотителя [Разаускас 2004, 13; Убушиева 2020, 79], указывает, что там было холодно, а любой водоем в архаичной картине мира относится к Нижнему миру либо является входом в него, поскольку находится ниже земли, т.е. Среднего мира в вертикальной модели мира. Антагонисты, бросая одного из братьев в море, зашили его в воловью шкуру, будто поместили в Нижний мир под «двумя замками», поскольку не только море, как указывали выше, относится к иному миру, но и бык (вол), который традиционно в монгольской культуре связан с потусторонним пространством. Так, например, Эрлик Номин хан имел голову быка [Бакаева 2003, 69] (хотя в тибетской буддийской иконографии, из которой он был заимствован монгольскими буддистами, этот персонаж имеет такую же характеристику), а двойной приплод у лошади или коровы, в отличие от верблюдицы, считался плохой приметой [Бакаева 2003, 69]. Причастность образа быка и Нижнего мира обнаруживается не так отчетливо, как, например, у рыб, змей, но все же отдельные фрагменты, рассеянные по фольклорным произведениям, позволяют реконструировать религиозно-мифологические представления предков калмыцкого народа. Если бык и Нижний мир взаимосвязаны, то и водная стихия включена в этот ряд. «Вероятно, мир Эрлика первоначально был локализован в глубинах вод и только впоследствии царство его стало ассоциироваться с мрачным подземельем... У якутов дух Эрлик являлся хозяином голубой беспредельности, но не небесной, а водной» [Галданова 1987, 63]. Здесь герой, младший брат Хадыра Хара Авги Хан Сенаки, также проходит инициацию, причем то, что он зашит в воловью шкуру, сродни нахождению ребенка в утробе матери, в итоге он получает новое рождение.

Вода и холод входят в один общий ассоциативный ряд, причем неразрывно связаны с Нижним миром. В этой же калмыцкой сказке имеется фрагмент, где старший брат просит свою жену дать чая, т.е. человеческой еды; чая не оказалось, тогда он попросил дать кипяток или хотя бы теплую воду [Калмыцкие богатырские сказки 2018, 419–420]. Этот момент ярко свидетельствует о том, что холодная вода знаково связана с потусторонним пространством.

Что касается прилагательного *халун* ‘жаркий, горячий’, то здесь не все так однозначно: в системе координат, конечно, жара связана с югом, но в фольклоре не репрезентована связь между этим температурным прилагательным и Верхним миром, т.е. в этом случае мифологема не получает своего развития, что связано, на наш взгляд, с тем, что понятие «жаркий» относится к аномальным и имеет амбивалентную коннотацию в фольклорных текстах. Но, тем не менее, жаркий/горячий употребляется в тех случа-

ях, когда описывается либо Средний, либо Верхний мир – при этом в основном в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть переход из категории чужого, т.е. пройти простой по сути, но важный в символическом отношении обряд. Так, например, когда богатыри, отвечая на призыв Джангара отправиться в дальний путь, риторически вопрошают, если они попадут на чужую землю, накормят ли их кто-то горячей едой, другими словами, сделают его ли своим в этом обществе [НА КалмНЦ РАН. Рукопись тома «Эпический репертуар Ээлян Овла»].

Но в то же время горячее может убивать. Так, в волшебной сказке говорится:

Медноклювая старуха, увидев две ямы, залезла в большую. Бёджан выбежал через маленькую яму. Медноклювая [старуха] не смогла выбраться из маленькой ямы. Тогда [Бёджан], опрокинув [на нее] котел с горячим бульоном, стоявший на треноге, погубил медноклювую [старуху]. [Калмыцкие волшебные сказки 2020, 114–115].

Медноклювую старуху, существо Нижнего мира, старуху-вампиру, герой сказки убивает обычным кипятком, хотя находилась уже была почти в Нижнем мире, т.е. в яме. Горячая вода обладает магическими свойствами, практически являясь своего рода живой (нехолодной) водой.

3.3. Нейтральные температурные прилагательные

Нейтральная характеристика температуры в фольклорных произведениях не является важной, поскольку человек стремится обозначать то, что выходит за пределы нормы. Следовательно, для предков калмыков средние температуры не релевантны для упорядочивания окружающей действительности, и, как показывает материал исследования, употребляются только в определенных случаях, которые следует рассмотреть отдельно. Например:

В красном котле поставили вариться крепкий чай, по обыкновению разведя огонь из саксаула, и решили поспать семь суток; поспав, отдохнув, побеседовали, [снова] заснули, а когда проснулись, в красном котле крепкий чай уже был готов, костер из саксаула потух. Чай был еще теплый (букв. горяче-теплый), вдвоем встали, попили чай... [Калмыцкие богатырские сказки 2017, 166–167].

В этом случае градуальное прилагательное *бүлэн* ‘теплый’ выполняет другую функцию, и уже не когнитивную, в рамках которой обозначаются свойства объекта, результат тактильного восприятия, а сюжетную. Несмотря на то что герои сказки спали семь суток, потом еще спали какое-то время, тем не менее, чай, который варился в котле, до сих пор теплый. Здесь именно через прилагательные *халун-бүлэн* ‘горячий-теплый’, с одной стороны, передается гиперболизированность всей ситуации и богатырей: котел

был настолько большим, что чай в нем варился более чем семь суток, богатыри были настолько сильными и большими, что могут разжечь костер под таким котлом, поднять его, чтобы установить его над огнем и т.д. Не случайно, что в сказке используется сложное прилагательное, состоящее из двух отдельных слов, которые близки по своему значению, однако различаются по градуальности, причем одно из них относится к нейтральной характеристике. Думается, что, с другой стороны, тем самым подчеркивается пограничность состояния богатырей между иным миром и миром человека, поскольку сон в фольклорных текстах предстает как переход в другой мир, мир мертвых, Нижний мир и т.д. Причины погружения в сон бывают разными: в одном случае это поиски ответов, подсказок, в другом случае это приобретение магических способностей, силы и т.д., которые помогают герою пройти испытания, в третьих случаях это может быть наказанием нарушения запрета и многое другое. В данной работе на причинах погружения в сон мы не останавливаемся. Пробуждаясь, герои могут приобрести какие-то магические качества, подсказки, как действовать в той или иной ситуации. Пограничность состояния между жизнью и смертью в этой же сказке опять же отражается прилагательными *халун булэнэр* 'букв. горяче-теплый' [Калмыцкие богатырские сказки 2018, 168–169] по отношению к птице (скворцу), в которую нужно было попасть стрелой между подбородком и твердым небом сквозь шов одежды человека. Интересно, что здесь хан устанавливает двойное испытание: и на меткость, и на скорость, когда богатырь должен принести хану еще живую птицу, но находящиеся между миром мертвых и живых.

Мотив сна очень ярко реализован в легенде о джангарчи, где герой, заболев, впадает в полузабытье, т.е. перемещается в иной мир, где встречает Эрлик-хана, который одаривает героя магической способностью. Он приобретает способность исполнять песни эпоса, но при выполнении одного условия: не говорить о встрече с Эрлик-ханом и о своем даре до тех пор, пока не повстречает буддийского монаха, который попросит исполнить песни «Джангара» [Мифы, легенды и предания 2017, 132–135]. В традиционном миропонимании сон равен беспмятству или даже смерти. Сам герой, когда рассказывает о том, что с ним произошло, говорит именно об «обретении дара сказительства, которое в легенде сродни инициации, прохождению через мир мертвых и “новому рождению”» [Бакаева 2003, 59].

В другой богатырской сказке сон помогает набраться сил богатырю и коню в ходе изнурительного путешествия:

Расстояние [преодоленное] было большим, знойно было, очень жарко, и скакун, и человек истомились-измучились, поэтому он отпустил скакуна своего к холодной ключевой воде, на луговую зеленую траву, а сам быстро светло-желтый шатер свой растянул, трубку с голову верблюда-самца величиной с верблужонка связками [табака] набив, налево и направо попыхивая, передние зубы обнажая, коренные [зубы] сжимая, сидел. [Потом] быстро развел огонь из саксаула, крепкий чай сварил, попил и, вытянувшись, словно кожаный ремень, раскрасневшись,

словно таволга, заснул. Спал-спал, а когда проснулся [увидел] – стремительный гнедой его, словно выстоялся, потучнел, стал таким, как прежде был. [Калмыцкие богатырские сказки 2018, 132–133].

Ситуацию усталости маркирует прилагательное *халун* 'горячий, жаркий', т.е. слово, которое не является нейтральным, а скорее аномальным по своему значению. Здесь также герой засыпает, переходя в иной мир, и возвращается в свой, словно перерождаясь.

4. Выводы по первой части статьи

В фольклоре калмыцкого народа доминирует бинарная система понятий температуры, где на шкале выделяются противоположные точки, при этом в архаичной картине мира нейтральные характеристики не фиксируются, что связано со стремлением человека дать номинацию аномальным с точки зрения человека явлениям, а если и используются номинации, обозначающие нейтральные температуры, то они выполняют функцию на уровне текста, например, комплексно реализуя мотивы пограничности мира мертвых и мира живых.

В статье, подготовленной для следующего номера журнала, будут рассмотрены метафоры с температурными прилагательными, которые помогают выстроить фрагмент языковой картины мира калмыцкого народа, а также специфику восприятия температуры, отраженную в фольклорных текстах.

ИСТОЧНИКИ

1. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Эпический репертуар Д. Шавалиева // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 338 с.
2. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Эпический репертуар Ээлян Овла // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 484 с.
3. Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные и небылицы // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 736 с.
4. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Цикл песен джангарчи Мукебюна Басангова. Песнь джангарчи Бадмы Обушинова // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 527 с.
5. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Багацохуровский цикл // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 484 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.
2. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 124 с.
3. Кабанова Е.В. Концептуализация температуры в немецкой языковой карти-

не мира: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.04. Барнаул, 2011. 19 с.

4. Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б.Б. Манджиевой; подгот. текстов, переложение калм. текстов, пер. Б.Б. Манджиевой, Т.А. Михалевой, Ц.Б. Селеевой; примеч., коммент., указатели, словарь Б.Б. Манджиевой, Ц.Б. Селеевой; отв. ред. А.А. Бурькин, В.Л. Кляус, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. 561 с.

5. Калмыцкие волшебные сказки / вступит. ст. Б.Б. Горяевой; сост., указатели Б.Б. Горяевой, Д.В. Убушиевой; перевод, примеч., коммент., словарь Б.Б. Горяевой, Т.А. Михалевой, Д.В. Убушиевой; отв. ред. А.А. Бурькин, В.Л. Кляус, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2020. 584 с.

6. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступит. ст. Б.Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б.Б. Горяевой, Б.Б. Манджиевой, Ц.Б. Селеевой; пер. Т.А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б.Б. Манджиевой, Т.А. Михалевой; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев, С.Ю. Неклюдов, В.В. Куканова. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с.

7. Кононова С.Ю. Методология исследования прилагательных с температурными коннотациями: анализ процесса восприятия температуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59). Ч. 2. С. 99–103.

8. (a) Куканова В.В. Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход // Новый филологический вестник. 2021. № 2. С. 371–391.

9. (b) Куканова В.В. Представления о дожде у калмыков и их предков (на материале фольклорных источников) // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 469–484.

10. Куканова В.В. Концепт *уулн* 'облако' в фольклоре калмыцкого народа // Новый филологический вестник. 2022. № 2. С. 367–393.

11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.

12. Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступит. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой; отв. ред. А.А. Бурькин, Е.Н. Кузьмина, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. М.: Наука, Восточная литература, 2017. 365 с.

13. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (= *Жаңһр дуулвр: сойл болн келн*) / на русском и калмыцком языках. Элиста: Джангар, 2015. 280 с.

14. Разаускас Д. Лексико-семантический анализ мифологических концептов: символика «рыбы» в балто-славянской традиции (с привлечением индо-иранских данных): автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.03. М., 2004. 28 с.

15. Санчилов В.П. О материальной культуре ойратов XIII–XVII веков // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 203–210.

16. Соловьева Н.В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 63–69.

17. Убушиева Д.В. Рыболовство в фольклоре калмыков и народов Южной Сибири // Новый филологический вестник. 2020. № 2(53). С. 75–91.

18. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Koninklijke: Brill, 2003. 1556 p.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Kononova S.Yu. Metodologiya issledovaniya prilagatel'nykh s temperaturnymi konnotatsiyami: analiz protsessa vospriyatiya temperatury [Methodology of Research of Adjectives with Temperature Connotations: The Analysis of the Process of Temperature Perception]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 5(59), part 2, pp. 99–103. (In Russian).

2. (a) Kukanova V.V. Arkhaicheskiye predstavleniya o vetre v kalmytskom fol'klоре: mezhdistsiplinarnyy podkhod [The Archaic Beliefs about Wind in the Kalmyk Folklore: An Interdisciplinary Approach]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2021, no. 2, pp. 371–391. (In Russian).

3. (b) Kukanova V.V. Predstavleniya o dozhde u kalmykov i ikh predkov (na materiale fol'klornykh istochnikov) [Concepts of Rain in the Kalmyks and Their Ancestors (Based on Folklore Sources)]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2021, no. 3, pp. 469–484. (In Russian).

4. Kukanova V.V. Kontsept *уулн* 'oblako' v fol'klоре kalmytskogo naroda [The Concept *Уулн* 'Cloud' in Kalmyk Folklore Revisited]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2022, no. 2, pp. 367–393. (In Russian).

5. Sanchirov V.P. O material'noy kul'ture ойратов XIII–XVII vekov [About 13th–17th Century Oirat Material Culture]. *Mongolovedeniye*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 203–210. (In Russian).

6. Solovyeva N.V. Binarnyye oppozitsii ka osnovopolagayushchiye elementy mifologicheskoy i fol'klорной kartin mira [Binary Oppositions as Fundamental Elements of Mythology and Folklore]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2014, no. 4, pp. 63–69. (In Russian).

7. Ubushieva D.V. Rybolovstvo v fol'klоре kalmykov i narodov Yuzhnoy Sibiri [Fishery in the Folklore Traditions of the Kalmyks and Peoples of Southern Siberia]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2020, no. 2(53), pp. 75–91. (In Russian).

(Monographs)

8. Bakayeva E.P. *Dobuddiyskiye verovaniya kalmykov* [Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks]. Elista, Dzhangar Publ., 2003. 358 p. (In Russian).

9. Burykin A.A., Klyaus V.L., Kukanova V.V., Pyurbееv G.Ts. (eds.) *Kalmytskiye bogatyrskiyе skazki* [Kalmyk Heroic Tales]. Moscow, Chekhovskiy Pechatnyy Dvor Publ., 2017. 561 p. (In Kalmyk and Russian).

10. Burykin A.A., Klyaus V.L., Kukanova V.V., Pyurbееv G.Ts. (eds.) *Kalmytskiye volshebnyye skazki* [Kalmyk Magic Tales]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Publ., 2020. 584 p. (In Kalmyk and Russian).

11. Burykin A.A., Kuzmina E.N., Kukanova V.V., Pyurbееv G.Ts. (eds.) *Mify, legendy i predaniya kalmykov* [Kalmyk Myths, Legends, and Tales]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2017. 365 p. (In Russian).

12. Galdanova G.R. *Dolamaistskiye verovaniya buryat* [Pre-Lamaist Beliefs of Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 124 p. (In Russian).

13. Meletinsky E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000. 407 p. (In Russian).

14. Pyurbeyev G.Ts. *Epos "Dzhangar": kul'tura i yazyk* [The Epic of Jangar: Culture and Language]. Elista, Dzhangar Publ., 2015. 280 p. (In Kalmyk and Russian).

15. Pyurbeyev G.Ts., Neklyudov S.Yu., Kukanova V.V. (Eds.) *Kalmytskiy geroicheskii epos "Dzhangar": Maloderbetovskiy tsikl* [Kalmyk Heroic Epic of Jangar: The Baga Dorbet Cycle]. Moscow, Chekhovskiy Pechatnyy Dvor Publ., 2020. 544 p. (In Kalmyk and Russian).

16. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Koninklijke, Brill Publ., 2003. 1556 p. (In English, Russian, etc.).

(Thesis and Thesis Abstracts)

17. Kabanova E.V. *Kontseptualizatsiya temperatury v nemetskoj yazykovoy kartine mira* [Conceptualization of Temperature in the German Linguistic View of the World]. PhD Thesis Abstract. Barnaul, 2011. 19 p. (In Russian).

18. Razauskas D. *Leksiko-semanticheskij analiz mifologicheskikh kontseptov: simbolika "ryby" v balto-slavyanskoj traditsii (s privilecheniem indo-iranskikh dannyx)* [Lexicosemantic Analysis of Mythological Concepts: Symbolism of 'Fish' in the Balto-Slavic Tradition (as Compared to Indo-Iranian Data)]. PhD Thesis Abstract. Moscow, 2004. 28 p. (In Russian).

Куканова Виктория Васильевна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания. Научные интересы: поэтика, калмыцкий фольклор, картина мира.

E-mail: vika.kukanova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7696-4151

Viktoria V. Kukanova, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Candidate of Philology, Leading Research Associate, Department of Written Monuments and Linguistics. Research interests: poetics, Kalmyk folklore, Kalmyk poetry, worldview.

E-mail: vika.kukanova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7696-4151

DOI 10.54770/20729316-2022-4-397

Б.Б. Манджиева (Элиста)

СИНЬЦЗЯН-ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ ЭПОСА «ДЖАНГАР»: ТЕКСТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы эпосоведческих исследований синьцзян-ойратской версии «Джангара», которая в силу объективных причин долгое время оставалась малоизвестной науке. Актуальность темы исследования и ее новизна заключаются в осмыслении научных исследований китайских джангароведов, результатов изучения синьцзян-ойратской эпической традиции, которые в настоящее время недоступны отечественным исследователям, поскольку изданы они на ойратской и старомонгольской письменности. Письменная фиксация песен синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» началась в конце 70-х годов прошлого столетия. Джангароведами Китая была развернута полномасштабная работа по выявлению и записи джангарчи по всем районам Синьцзяна (СУАР КНР). В результате систематического сбора эпического наследия были подготовлены и опубликованы многотомные издания текстов песен «Джангара». На современном этапе развития джангароведения в Китае публикация полевых материалов продолжается, тексты героического эпоса «Джангар» представляют ценнейший источник для наиболее полного, всестороннего изучения уникального памятника синьцзянских ойрат-монголов. Первые изыскания исследователей посвящены рассмотрению вопросов бытования «Джангара», изучению биографии рапсода и сказительской традиции ойратов Синьцзяна. В научных трудах китайских ученых рассматриваются исторические предпосылки возникновения эпоса «Джангар» и вопросы генезиса, распространения эпоса «Джангар» в Калмыкии, Синьцзяне и Монголии, изучаются проблемы сравнительно-типологического исследования образной системы, сюжетов и мотивов. «Джангар» как уникальный памятник эпического творчества включен правительством КНР в список важнейшего национального нематериального культурного наследия, охраняемого государством. В целях сохранения и научного исследования эпического наследия китайскими учеными разрабатывается единая интегрированная информационная система, содержащая электронные базы данных по джангароведению: полнотекстовые, библиографические, звуковые, графические, документально-фактографические и мультимедийные, которые, являясь уникальным комплексным ресурсом хранения, поиска и дальнейшего использования материалов, позволяют эффективно решать научно-исследовательские задачи фольклористов Китая.

Ключевые слова: эпос «Джангар»; синьцзян-ойратская версия; джангарчи; традиция; сбор; текст; фиксация; публикация; исследования.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).